Цех

Станислав Сергеевич Бескаравайный

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вещи, которые добиваются привязанности своих хозяев

- Цех
- notes
    - 1

Цех

Желать настоящей крови — старо.

Пошло — жаждать её иллюзии.

И только вегетарианцы идут в ногу со временем.

Реклама свеклы.

Аркадий Михайлович всегда любил со вкусом читать книги.

Расположиться в кресле, укрыть ноги пледом, поставить рядом бутылочку коньяку и крошечную рюмку. Не торопясь, вдумчиво перелистывать страницу за станицей, чтобы и запах бумаги, и четкость шрифта, и приглушенное бормотание телевизора — сплетались в дивное ощущение уюта. Что было в тех книгах, его мало интересовало. На шестом десятке лет он привык наслаждаться любым текстом.

Сегодня вечером была не книга. Новый альбом для старых семейный фотографий. Темно-бордовый, податливый бархат, электронная начинка, лучший дизайн. Деды-прадеды, с тех корней, когда только стали сниматься. Каждая фотография на отдельной картонке, а сзади надпись — «негативы хранятся». Потом советские, на плохой бумаге черно-белы карточки. Дальше цветная пленка, объемные картинки последних лет и много чего еще. Все лежат там, внутри.

Аркадий Михайлович вытащил альбом из ящика, уселся, закутался. Чмоканьем подозвал ножную грелку — она теплилась в четверть накала, но он любил упирать ноги в маленький ползучий валик. Теперь можно и начать.

Первая страница. Два снимка одной пары на фоне ваз и фикусов. Какие-то канцеляристы. Исцарапанный глянец карточек. Всё как раньше, когда он еще ребенком видел фото. Только теперь ожила бумага вокруг. Продолжились линии комнаты, стал виден край кадки под фикусом. Заиграл модный в те годы мотивчик. Потом двинулась, как фильм со стоп-кадра и сама фотография. Они, его дальние предки, вдруг стали очень близки и знакомы. Вот те мочки ушей — он видел у матери, немного от носа есть и у него. У них совсем другая манера речи, нарочито прямо держатся перед фотографом, хотят выглядеть благородней. Шорох — и всё замирает.

Программы, зашитые в альбом, улавливают движение его лица — дальше, дальше — и переворачивают страницу. Здесь

умершая родня. Деревенская, которой ни он, ни родители совершенно не знали. Все люди давно истлели в могилах — и только на бумаге проступают ветви родословной. Свадьбы, рождения, похороны — вязь событий делает их родственниками. Чего они хотели, о чем мечтали? Снова оживает фотография, только эти Аркадию Михайловичу совершенно безразличны. Трое прадедов и две прабаки — те, от кого сохранились карточки. Двоюродные тетки, троюродные, забытые, так что и не вспомнишь, дядья. Все оживают, успевают подмигнуть, перекреститься, вздохнуть — и опять застывают в своих позах.

А программы, подбираясь к нынешним дням, уже имеют больше материала для своих реконструкций. Вот голос деда. Аркадий Михайлович его не помнит — трехлетним карапузом побывал у него на руках. Теперь вся жизнь этого человека вдруг встает перед ним. Лицо мальчишки, потом молодого солдата, отца семейства. Морщины, как трещины в скорлупе, раскалывают кожу, и приходит конец. Вспоминаются дедовы прожекты, альбом нашептывает, наколдовывает его любимые поговорочки, прибаутки. Очень ясно вдруг понимается — чего он так рвался работать таксистом, что в нем нашла бабушка и даже слышится запах любимой его куртки.

Умная электроника, зашитая в бордовой ткани, как собака, обшаривает мировую паутину — ищет любую информацию о семье.

Родители — их он не стал смотреть. Альбом не подсказал бы ему больше, чем помнил он сам, а обманываться не хотелось. Вот друзья, приятельницы — дело другое. Они по больше части живы и только постарели. Их молодые глаза смеялись с фотографий, цвета и звуки вернулись, будто он снова бывал на курортах, будто ему скостило тридцать лет возраста. Клара еще не взялась за героин и была смешливой озорной девчонкой, Инна не ушла от него. Компания, что собиралась по пятницам в баре, еще не забыла вкус к преферансу. Жизнь была полна ощущений, радости, в неё было будущее. А так он видел разбегающиеся дорожки судеб, и слишком многие из них уже оборвались.

Он закрыл альбом. Голоса не утихали в его сознании. Не состоявшаяся семья говорила с ним, задавала вопросы, хотела болтать снова и снова. Это надо было прекратить. Аркадий Михайлович вздохнул, постарался заставить их замолчать, ощутить не призрачные лица, но мир вокруг себя. Только спокойствие. Ведь всё нормально. Вот телевизор, вот стенки, квартира вокруг. Она в подъезде, двадцатый этаж. Дом, бетонная коробка, свечой идет вверх. Вокруг такие же сздания, и холодный ветер между ними и дымная городская тьма наверху, через

которую пробиваются редкие звезды. А в центре этой пустой вселенной он увидел себя — маленькую искру смысла.

Это было такое странное, неземное ощущение, что Аркадий Михайлович не захотел его терять, ни за что в жизни. И прежде, чем успел понять — протянул руку, выдернул из ящика тумбочки пистолет и выстрелил себе в висок.

Парень в рваных джинсах, легкой куртке и с модным кастетом на цепочке от ключей — ткнул большим пальцем в сканер. Дверь узнала его и разъехалась. В коротком коридорчике ждал охранник. Парень удивился, но спокойно стоял, пока тот сверил дисплей с его физиономией — почти коричневой, с крашенными под седину волосами.

— Они уже здесь?

— Да. С тобой сейчас разбираться будут.

Если дошло до такой роскоши, как охранник, значит идет ревизия первого класса.

Еще одна умная дверь, поворот — и коридор раскрывается в здоровенный цех. Стены из гофра. Бетонный пол. Потолок: сплошное переплетение труб, кранов и тросов, которое режут на части полосы стекла — ленточные фонарные окна. И во всем этом объеме почти нет свободных мест. Станки, агрегаты, установки. Печки и холодильники, манипуляторы и потолочные краны. Все это живет и движется, как живет тесто, грибница или муравейник. Редкие люди, что ходят по мосткам и переходам, кажутся совершенно лишними.

Его место — сбоку от железной улитки, выпекающей металлические заготовки. Маленькая скамейка. Надо лавировать среди механических громадин.

— Зулус? — мужик в спецовке выныривает из прохода, хватает парня за локоть, — Не хами.

— Так я всегда, Вадим Иванович, — он улыбается, пытаясь показать свою законопослушность.

— Мг, — куратор делает начальственную физиономию и подталкивает его к месту.

Напоминание о лояльности было делом совершенно не нужным. Всего лишь одним из тех милых обычаев, что тянулись из прошлого и никак не могли развеяться. Проверять имело смысл не практиканта Максима, не его куратора, и даже не директора — а прямо те ИИ и двух преображенных,[1] что владели фирмой. В проверяющих организациях давно уже заправляли такие же умники, потому виртуальная проверка началась где-то через час после того, как Аркадий Михайлович дернулся к пистолету. К утру её закончили и с людьми говорили больше для

очистки совести.

Чем занималась фирма? Делала вещи. В цеху можно было заказать каменное рубило или парусник, азбуку с картинками или танк. Любой артефакт изготовлялся в желаемом масштабе и аккуратно перевязывался ленточкой. Под панцирями установок жили огонь, холод, давление и вакуум. Где не справлялись они, мало было токарных станков и лазерных резаков, в дело шли наномеханизмы — роботы, слепленные из горсти молекул. Если клиент желал получить копию первой атомной бомбы, с этим не было никаких проблем. Только уран не выдавался в комплекте, а хранился в реакторе — под биркой с именем заказчика.

Приплатив, клиент мог получить живое существо, скроенное по своему проекту. Кресло, питающееся кухонными отбросами, собаку с шерстью, в которой пляшут электрически искры. Сменить обивку салона своей машины — многие ценили живую кожу. Даже тело человека могли вырастить по особому заказу. Не наделенное разумом, понятно.

Раньше у цеха были проблемы с торговыми марками, да и любители животных иногда протестовали, но это в прошлом. Авторское право взяло отступные, жалостливые экологи согласились на компромисс — изредка получать воскрешенных существ, из тех, что до того числились под маркой «вымершие».

Однако, разве можно привлечь клиента лишь комбинациями атомов? Кто клюнет на декорации, пусть даже самые достоверные, если виртуальность мгновенно даст в тысячу раз больше? Фирма продавала образ мысли.

— Вы занимались разработками исторического контекста!? — инспекторы всегда обвиняют. И те двое, что подошли в Максу, смотрели пустыми глазами. Главный вычеканивал слова.

— Я следил за ними, — даже сесть не дали, скаламбурил про себя практикант, рассматривая гостей.

Костюмы нейтральных расцветок. Стандартные портфельчики в руках. При желании, могут всё время носит очки — для виртуальных надобностей. Но эти уже там, за дисплеем, слишком неподвижные у них лица. Значит носят нейрошунты. Мужик, что идет первым, слишком привык рычать на окружающих, это стало штампом. А женщина, что за ним… Зулус вдруг остро пожалел, что на нем рваные джинсы и засаленная куртка. Очень уж ухоженной, роскошной она была. Пусть и в служебном костюме.

Но молчать было невежливо. Максим потянулся к отливавшему медью кастету.

— Для интерфейса, — пояснил он инспектору. Тот не прореагировал.

Пальцы легли на металл, и спрятанные в нем схемы исправно

откликнулись. Распахнулось окно дисплея. Сквозь бледную голографию просвечивались матовые бока улитки.

— Я отвечал за линию осязания. То, что клиент должен был чувствовать под пальцами, — Зулус говорил быстро, и так же мелькали графики и картинки, — У бархата была стандартная начинка, жесткость на горе, мягкость и податливость на хорошие воспоминания. Учет состояния кожи. На сами нервы не действовали.

— Практиканту разрешают?

— Я тут договорился — меня в штат берут. По совместительству.

— На втором курсе? — инспектор чуть прибавил мимики, изображая сарказм. Но был ли он в себе, или, смотря на беседу со стороны, решил, что человеку с портфельчиком лучше бы улыбнуться?

— Да хоть из школы. Что я тут решаю?

— Вот именно. Ничего не решаешь. А рабочее место уже есть.

Тут пришла очередь Макса кривиться. Скамейка позади него на хорошее рабочее место никак не тянула.

— Меня тут ещё на раскладной стульчик посадить хотели. Еле отбился.

— Почему вы пропустили линию на соответствие пульсу? — вклинился женский голос. Дисплей открыл логическую схему взаимодействий обложки и кожи. Красным пунктиром высветилась еще одна структура влияния. И общих отметок «просмотрел» на ней видно не было.

Макс на секунду впал в ступор. Ей было не больше двадцать пяти, от неё могла закружиться голова. Очарование наводилась программками по внешности. И ещё она работала под «марионетку», ведомую программой.

Он моргнул, посмотрел на схему. Та самая, только вывернутая, измененная. Пошевелил пальцами в кастете, и все переплетение стрелок, линий, значков — вернулось на своё место. Здесь ничего, связанного с пульсом, и близко не было.

— Это проверял я.

— Вижу, Максим Улиссович. Понимаю. Явитесь вот сюда к полудню. Проведем собеседование. Докажете ваше незнание, — инспектор прищелкнул пальцами. Они оба потеряли нему интерес. Пошли к следующему.

Зулус озадаченно смотрел на синие контуры букв — адрес и время.

Куратор кашлянул за спиной.

— Что ж ты так сплоховал? Внимательней посмотреть не мог?

— Вы же знаете, Вадим Иваныч, я внимательно проверяю, —

растеряно пожал плечами Макс, — Это преображенные? Или цеховые жестянки перестарались?

Он виновато посмотрел в глаза наставнику. Одно дело знать, что человек застрелился после работы с продуктом, что ты видел одним глазом, а другое — понимать, как провалил инспекцию. Куратор ничего не ответил, а сам взялся крутить схему. Вокруг неё замелькали графики анализов, распределений, подсчетов вероятностей. Вадим Иванович только прищелкивал языком.

— А тебя вербовать будут, — вдруг без всякой связи заявил он.

— ?

— На неё не надейся. Ишь, губу раскатал, — он закрыл дисплей и подмигнул Максу, — встретишь ты там вежливого товарища, он тебе всё и объяснит.

— Ух ты! — удивился Зулус, — Так тут что, уже всех обработали?

— Зачем всех? Оптом — это ж какие деньги начальству отваливать надо? Не. Человек пять со всего цеха. Дня через два, может, прямо и список вывесят, чтобы лишних вопросов не было.

Товарищ оказался действительно вежливым. Проверять Макса на предмет умышленного убийства даже не стал и обвинений никаких не выдвигал. Говорил тихо, человечно. Спрашивал общими словами и много слушал.

— …маленькие сообщества. Они и есть наши основные клиенты. Таким нужны вещи, отбитые маленькими сериями. Для своих. Иногда предметы совсем не одинаковые, а просто из одного набора. Прошлый заказ — был сервиз. Каждый взял своё. А первым заказом были пояса, — Максим с честным видом рассказывал то, что уже наверняка знали. И особенно шутить в этом кабинете не хотелось. Обстановка располагала к серьезности.

— Электронику в предметах — проверяем на себе. И тот альбом чертовый я в руках держал, и фотки родительские туда засунул, и ничего такого со мной не сталось. Увидел, как отец с мамой познакомились. Вот с тарелкой было интересно: он то гудела, то плакала, то еду подсвечивала — и меня стало на деликатесы тянуть. Две недели закусочные стороной обходил. Всё жареных куропаток хотелось попробовать. Это понимаю — там хороший вкус внедрялся. Но без перегибов. Я специально гамбургер съел, и не стошнило. Да и случись там перегиб, так ведь клиенты люди богатые, могут себе и седло барашка, и улиток позволить.

— Вещи, они, конечно, все индивидуально настроены, под

клиента подогнаны. Только для испытаний настройки меняют. Делают это жестянки. Да они и всё остальное делают. Я на мастерстве контроля только четвертый разряд имею.

— За мной числятся четыре клуба и одно неформальное объединение. Пловцы, кулинары, историки, модники. И прыгуны — те, которые с тарзанками сигают. С пловцами все просто, они на экологии повернуты. Ихтиандрами прикидываются, хотят к природе ближе стать. Всё требуют себе таких аквалангов, чтобы от рыб не отличаться. Им еще до меня полный набор выдали, теперь они жабры поотращивали. Тот, который себе аквапарк сделал, неделями из воды не вылезает, все мечтает в ближайшем водохранилище виллу построить. Только на это мало шансов — в бассейне он себе воду чистит, а в отрытый пруд чего только не сольют.

— Кулинары — те посложнее. У них уже мечты возвышенней. Хотят стать лучше через прием пищи. Сейчас у них церемонии на уме. Обеды дают — натуральные ритуалы. Я сверял с историческими постановками, теми, что машины конструируют. Отвращения нет. Каждый в клубе уже стал поваром высокого класса. Холестерин рассчитывают, калории.

— Давайте об историках, — мягко прервал его следователь.

— Так, — Зулус почесал затылок, — Эти самые сложные. Хотят в прошлом отыскать душу эпохи. Считают, если найдут дух нашего времени — станут умнее машин. Смогут предсказывать их действия быстрей всяких расчетов. Сильно мистикой увлекаются — ауру впитывают, с умершими переписываются.

— Для этого заказывают предметы? Фокусничают?

— В том-то и загвоздка, — Максим потянулся за кастетом, — Электронику признают только потому, что сейчас все на неё завязано. Хотят понять её душу. А виртуалку презирают. Насмерть!

На соткавшемся из воздуха экране стал виден сеанс. Не старая еще женщина, завязав глаза шарфом, протягивала ладони к компьютеру. Пыталась угадать, какое число тот высветит на дисплее.

— Это из представительского ролика, что сами о себе сняли, — лучшего материала у Зулуса не нашлось, — И с предметами большая возня каждый раз была. Они хотели себе вещи, которые не смогут навязать им свой вкус. Чтобы предмет понимал их, но не был определяющим, не навязывался.

— Мягкий режим?

— И это не то. Они требовали слишком хороших учебных программ. Мне один из них сказал: если дать обезьяне заряженный пистолет, она рано или поздно выстрелит. Не потому

что разберется в устройстве, просто спустит курок. Так и мы — не можем стать расчетливее машин, но хочется повысить возможности за счет выстрелов. Такие качества он оценил больше всего. Только! — Максим поднял руку, — Это был не самоубийца.

— Считаете, что компьютеры начали убирать конкурентов? — следователь был серьезен, но в уголках его рта пряталась улыбка. Практикант нейтрально пожал плечами.

— Правильно. Какие из них конкуренты? — следователь, будто в рассеянности, вертел пальцами карандаш, — Отчеты, финансы и характеристики нам не нужны. И ничего никому сообщать не надо. Единственное: когда в следующий раз будете тестировать предмет и почувствуете, что он взял слишком большую власть над вами — обозначьте реакцию. Как угодно. Испугайтесь, закричите. Цех под наблюдением. Такой способ предотвратить убийство вас не смущает?

— Нет.

Оба знали, что в середине разговора Максим солгал. Можно испытывать вещи на себе, но ведь они сделаны для других. Выбраны из тысяч вариантов. Одними настройками тут сыт не будешь.

Рядом с железной улиткой его ждал новый клиент — грузноватый, лобастый, коротко стриженый блондин. Любитель истории. Максиму вдруг остро захотелось как следует приложить посетителя головой к установке. Не насмерть, а чтоб только дорогу сюда забыл. Нетерпеливый какой. Но профессиональная улыбка не захотела сползать с лица.

— Чего изволите?

— Мы хотели бы приобрести коммуникативную систему.

— А телефоны? — отчетливо и холодно произнес он, — Если же вы хотите установить нейрошунты. Внутричерепно. То здесь нужна лицензия. На медицинскую деятельность.

— Зулус, — клиент посмотрел на него устало, будто последние сутки его допрашивали без всякого перерыва, — Мы ведь не ради удовольствия гоняемся. Нам для дела.

— Медицина — это пятый корпус, — цедил Максим.

— Да погоди ты. Вбил эти железяки себе в голову! Не нужны они нам, — клиент помолчал, — Мы хотим, чтобы предметы играли общее представление. Для всех.

Максиму вдруг стало погано. Представились два десятка людей, которые по единому сценарию расстаются с жизнью. Очень не хотелось подписываться под таким планом действий.

— Спокойно, — зашептал голос куратора, — Принимай заказ. Исполнение мне скинешь.

Где-то далеко блеснула отгадка ключ к интриге этого дня. Зулус решил дожимать материал.

— Хорошо, — он протиснулся мимо клиента, вытащил из-за сплетения труб хороший деревянный табурет, и предложил садиться.

— Это должно быть пьесой. Интересной, яркой, живой. Чтобы мы все жили будто бы в мире иллюзий. И при том наяву, — клиент говорил резкими, рубленными фразами. Было видно, что он всё хорошо продумал, — Наши должны прожить, прочувствовать какую-нибудь историю. Из сегодняшних дней. Можно документальную.

— Что желаете обострить внутри себя? Какое качество? — практикант знал, что сейчас истинными желаниями клиента занимается «Рябчик», ИИ. Скорее всего он просмотрит записи разговоров между историками, разложит на составляющие движения лиц и выведет желанные ответы.

— Правдивость восприятия. Мы хотим освободиться от наносного, от иллюзорного. Чтобы ощущать мир таким, каким должны, а не так, как хотят другие.

— Кто — другие? — уточнил Максим.

— Все, — деловито выдал клиент.

Зулус увидел как раскрывается окно экрана, и там перебираются варианты. Заказ начал исполняться еще до окончательного высказывания.

— Жить в пьесе, чтобы не поддавать иллюзиям? Декорации строго натуральные? — переспросил Максим, — А как долго?

— Мы вас в этом не ограничиваем.

Практикант вздохнул и, не обращая внимания на тот набор предметов, что бледными призраками выстроился поблизости, позвонил куратору.

— Вадим Иваныч, понял я. Хозяева новый товар осваивают, — кастет тихо крякал под ухом, и можно было продолжать, — Вещи работали с внутренним миром клиентов, на личных ассоциациях и подкорочных связках. Теперь хотят взяться за внешний.

— Понимаю. До того с ними говорила одна вещь, теперь они хотят говорить с миром?

Клиент слышал их разговор и молча кивнул.

— Твоя правда, Макс, — куратор одобрительно заворчал, — Это другой ценовой сегмент. Наверняка расширение будет. И жестянки, сто пудов — рекламу пустят. Только лицензию себе выбьют на новый уровень, сразу в раскрутку всё пойдет.

А Зулус все смотрел на улыбающегося, довольного клиента.

— Ну почему вы не могли купить это просто так, без рекламы? Без самоубийства? Вас что, так на природное тянет —

без трупа уже заказа делать не будете?

— Не верили, что с личными вещами уже все. Мы их досуха выжали. Нам теперь или по одному надо было вперед идти, себе такие часы да кольца заказывать, чтоб от них сразу гениальность образовывалась. Или всем вместе, но по-другому. Дорога легче стать должна. Михайлович просто кусок не по себе ухватил, за одну ночь чувство рода захотел получить. Чтобы в каждой мысли ответственность перед предками чувствовать. Надорвался.

Все-таки хорошо, что кастет на короткой цепочке. Таким челюсть только себе своротить можно. Максим чувствовал, что мало повидал в жизни. Трудно ему было переваривать такие заскоки посетителей. Ничего, можно ведь скакать в ответ.

— От имени фирмы, — официальным голосом заявил он, — Я могу подарить вам колпак с бубенчиками. Соглашайтесь — это абсолютно бесплатно. И без всякого скрытого смысла. Это я вам гарантирую.

Клиент улыбнулся.

Февраль 2006

notes

Примечания

1

ИИ — искусственный интеллект. Преображенный — человек, переместивший своё сознание в компьютер.